

Антон Терентьев

СВЕТ

*далёких
деревенек...*

Антон Терентьев

Свет далёких деревенок...

«Алисторус»

2026

УДК 929
ББК 83.3std1-8пр1

Терентьев А. В.

Свет далёких деревенок... / А. В. Терентьев — «Алисторус»,
2026

ISBN 978-5-00269-738-0

«Свет далёких деревенок и сегодня с большим теплом отзывается в моей душе и сердце, и по-прежнему я по нему сверяюсь во всех судьбоносных делах и поступках», - делится Антон Владимирович с читателями. В этой книге автор вспоминает свое детство, встречи с земляками, до боли любимый родной Сибирский край.

УДК 929
ББК 83.3std1-8пр1

ISBN 978-5-00269-738-0

© Терентьев А. В., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

О заселении и освоении сибирских земель и нашего урманского края	10
Воспоминания о матери и первые суровости урманской жизни	13
Светлой памяти дорогого брата Виктора	27
Деревня Петровка на реке Сик	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

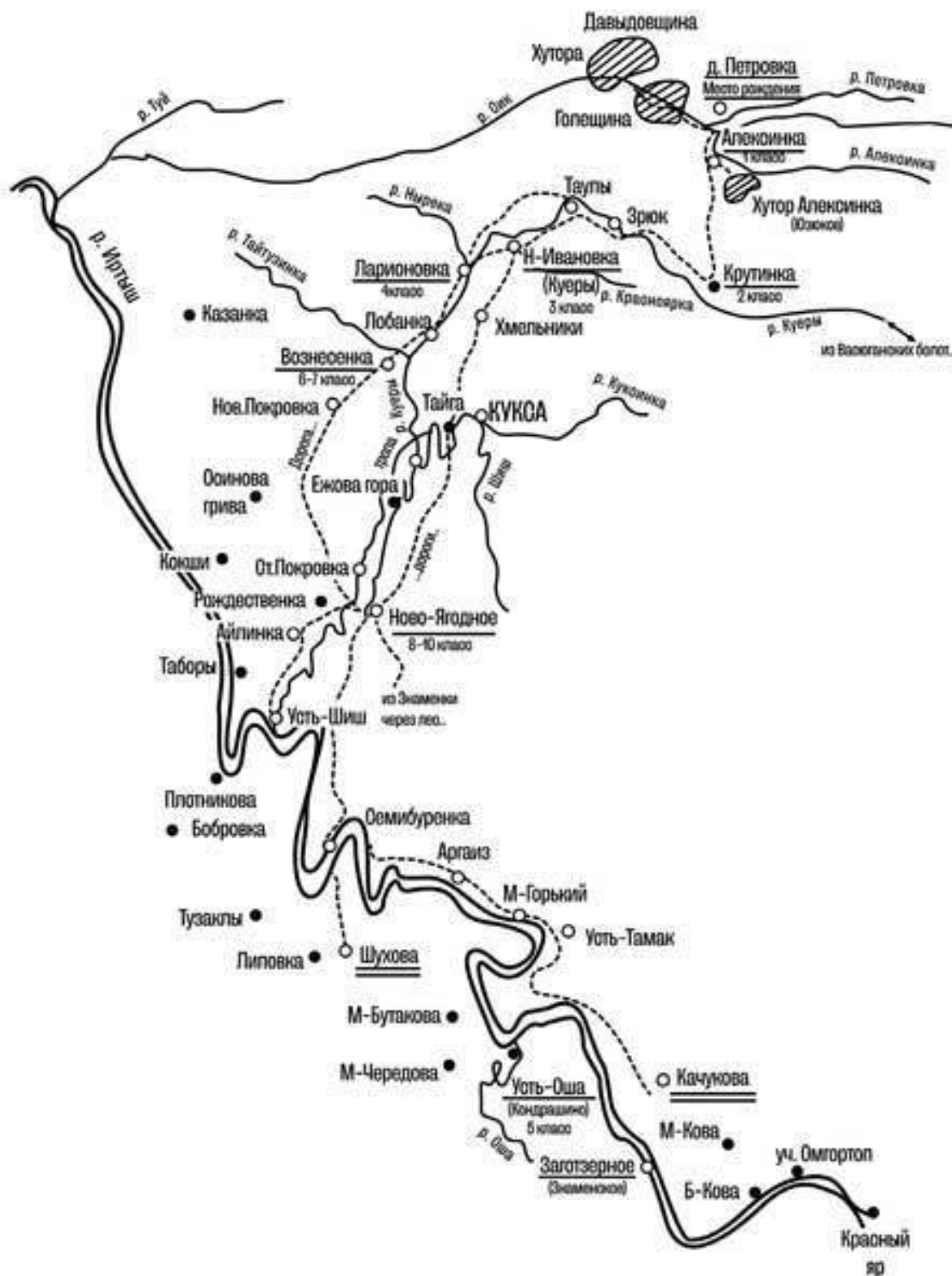
Антон Терентьев

Свет далёких деревенок...

© Терентьев А. В., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Карта северной части Знаменского района начала XX века

Светлой памяти дорогих Матери и Брата посвящается

Уважаемый читатель!

Свет далеких деревенок и сегодня с большим теплом отзывается в моей душе и сердце, и по-прежнему я по нему сверяюсь во всех судьбоносных, в той или иной степени, делах и поступках. Подпитываюсь теплотой «кладочек» из досочек или жердочек через разговарива-

ющих с тобой своим журчанием лесных ручейков, прозрачных своей водицей ключиков, из которых всегда хотелось освежиться и рассмотреть сверкающие на дне песчинки.

Подпитываюсь неповторимым запахом травушки-муравушки и видом каждой деревеньки, ощущая при этом всем телом дымок из труб домашних печей, затапливаемых практически одновременно, как правило, ко «второму петуху».

У каждого из нас, исходя из особенностей устройства своего быта, есть свои «кирпичики» восприятия жизни, окружающего нас мира и самые основательные из них из детства, юношества... все остальное, образование и карьера, строится на них, хотя мы сами порой этого не замечаем. Не замечаем тех замечательных степных или таежных цветов, запомнившегося дятла у своего дупла, первого пойманного курмеля или сомика, синюю от обилия шишек вершину кедра... не замечаем встреч, в том числе и случайных, с замечательными людьми, которые вместе с окружающим нас миром делали из нас настоящих людей.

И я не мог не попытаться сохранить память о моих, наших путеводных деревеньках, сформировавших наши души.

Уходит время, уйдем и мы, а наши дети, внуки, может и далекие пытливые последователи попытаются что-то поискать о далеком правобережном Заиртышье, об «Урмане», о своих предках-первопроходцах, сибирской глубинке на «Васюган-болоте»... Помните расхожее: «Сослали на Васюган»?

Земной поклон Матери, Юзефе Осиповне, брату Виктору, всем близким, соседям, учителям, всем окружавшим людям, без исключения, за счастливое детство и юношество.

Всех нас вырастила Малая Родина, а взрастила Большая Родина – Матушка-Россия, перед которыми мы в вечном, неоплатном долгу.

И эти мои небольшие воспоминания есть скромная попытка внести частицу в его оплату.

Выражаю свою благодарность за подготовку рукописи к печати Песняку Борису Егоровичу и Верхотурову Дмитрию Николаевичу.

С большим уважением к Вам

А. Терентьев

Куеры – Николо-Урюпино.

10.07.2026

На исходном рубеже в танке Т-80 БВМ, в 1-й гвардейской танковой армии, в зоне Специальной военной операции

О заселении и освоении сибирских земель и нашего урманского края

Сейчас Сибирь является неотъемлемой частью нашей Родины. Однако, еще четыре века назад русские были чужаками на этой территории, которую населяли ее коренные народы, живущие рыболовством и охотой. Регион заселили выходцы из Средней Азии с монголоидным типом лица. До конца XII века основными группами населения, проживающего на этой территории, были либо остатки мадьяр (венгров), либо представители манси (которые сейчас живут в Ханты-Мансийском автономном округе). Среди правителей Ишимского ханства упоминается хан Иртышак, от которого произошло название реки Иртыш.

С XIII века Западная Сибирь входила в состав Монгольской империи.

В 1270–1280 годах на юге Западной Сибири резко увеличилась численность тюркских и монгольских кочевников, а предшествующие группы населения, как правило, вытеснялись в таежную зону, где превращались в тех самых манси.

Тюменское ханство «Ибиль», как самостоятельное государство, возникло в XIV веке, в составе Золотой Орды. С 1480 года оно достигло своего наибольшего влияния и осмелилось вести борьбу за трон Большой Орды.

В 1495 году тайбугид Мухаммед Тайбуга (Махмет) разгромил Тюменское ханство, убил шибанида хана Ибака и перенес столицу в Кашлык, а ханство стало называться Сибирским.

В 1563 году власть в ханстве захватил Хан Кучум.

В 1573 году Кучум отправил своего племянника – Мухаммед Кули (Маметкул) с дружиной с разведывательными целями за пределы ханства. Маметкул дошёл до Перми, потревожив владения Строгановых – рода русских промышленников и помещиков.

Вооружив отряд атамана Ермака, Строгановы, с одобрения и поддержки Государя Российского Ивана Грозного, направили Ермака Тимофеевича в Сибирский поход (1581–1585 гг.).

26 октября 1582 года, отряд атамана Ермака, после победы над Кучумом, занял столицу Сибирского ханства Кашлык (сейчас историко-мемориальный комплекс «Искер» – находится 17 км выше современного Тобольска), а в конце года посольство казаков известило царя Ивана Грозного о разгроме хана Кучума. В течение трех лет отряды казаков совершали походы и подчиняли местные племена.

Процесс покорения Сибири включал в себя постепенное продвижение русских казаков и служилых людей на Восток. По прибытии в местность, занимаемую каким-либо племенем туземцев, казаки входили с ними в мирные переговоры с предложением подчиниться Белому царю и платить ясак. Если переговоры не приводили к успешным результатам, дело решалось с помощью оружия.

Обложив туземцев ясаком, казаки устраивали на их землях или укрепленные остроги (если племя было воинственное), или просто зимовья, где и оставалась обыкновенно часть казаков в виде гарнизона для поддержания покорности и для сбора ясака. Вслед за войсками шли поселенцы, администраторы, духовенство, промысловики и купцы.

Самым первым документом о Заселении Сибири русскими первопроходцами явился наказ царя Федора Иоанновича от 29 мая 1590 года «О направлении в Сибирь 30 хлебопашенных семей из Сольвычегодска...» (ныне Архангельская область). Царские документы стимулировали такое переселение: «А у всякого человека было бы по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телеги, да всякая рухлядь, а на подмогу – по 25 рублей каждому», – говорилось в одном из них.

С XVIII века власти стали вербовать в Европейской России хлебопашцев и селить их вдоль сибирских дорог.

После реформы 1861 года (отмены Крепостного права) миллионы русских крестьян за сравнительно короткий срок переселились в Сибирь.

Столыпинская аграрная реформа, 1906–1917 годов (производилось безвозмездно с государственной поддержкой) и предусматривала единоличное и общинное землеустройство. В результате реформы в Азиатскую часть Российской империи переселились свыше 3,7 млн человек (домохозяев и членов их семей). В Сибири и на Дальнем Востоке возникло свыше 10 тыс. новых сёл и деревень.

17 октября 1924 года Совет труда и обороны СССР постановил, что колонизационно-переселенческие мероприятия должны проводиться на основе общесоюзного плана, которым планировалось с 1926 по 1931 годы переселить 6 млн человек, из них 2 млн. – на Дальний Восток, 3,5 млн. – в Сибирь и 500 тыс. – в Поволжье.

Хозяйственное освоение Сибири в ходе проведения реформ сыграло исключительную роль в снабжении населения страны продуктами питания, особенно, во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда значительные территории в Европейской части СССР оказались оккупированными.

Красота наша Сибирская!

Воспоминания о матери и первые суровости урманской жизни

Мать моя, Терентьева (Хоменок) Юзефа Осиповна, была украшением нашей деревни: высокая, красавица с умным обаятельным лицом, очень мудрыми и проницательными глазами. Одинаково интересно с ней было беседовать и простым односельчанам, любившим заходить к нам, и заезжавшим руководителям колхоза, района, а впоследствии и большим Военачальникам.

Теплая, искренняя встреча с матерью во время ее приезда ко мне на землю Бурятии

К сожалению, слов: «дорогая мамочка» ты, от многотрудности всей нашей жизни, не часто слышала от сыновей своих, Антона и Виктора, порой не понимавших иногда, что родителей надо успевать обнимать любовью при их жизни. Но слова: «дорогая мамочка» были и навсегда останутся украшением наших душ и сердец.

При этом, «дорогая мамочка», мы с Виктором старались говорить тебе всегда преданные, верные и не огорчающие тебя слова. Особенно от Виктора ты чаще их слышала, так как он был мягче и уже как-то по-взрослому мудрее.

А пишу я от имени нас обоих с братом Виктором, хотя он давно уже ушел из жизни, но он остается с нами и с тобой, и со мной. Виктор тебя любил более глубокой и сильной любовью, и мысли у нас о тебе одинаковые, к тому же «лежит» он на сельском погосте рядом с тобой.

У нас с ним общий образ «Великой матери» в твоём лице, не отдавшей нас когда-то в Новоягодинский детский дом, не вышедшей замуж после гибели отца, хотя сваты были, нормальные сибирские вдовцы, по тем или иным причинам оставшиеся одни. Не выходила со словами: «Не хочу, чтобы у моих детей был другой отец». Образ, олицетворяющий в целом «Мать-Родину», для нашей маленькой ячейки, вдовьей семьи прекрасного, русского, сибирского сообщества первопроходцев, образ матери – жены погибшего в 1941 году фронтовика, с оставшимися на ее руках сына Виктора – 7 лет, доченьки Зиновки – 9 лет, и маленького

Антон – 3 месяца. (Первенец ее, наш братик Шурочка умер на хуторе Алексинском в четыре годика от «кровоавого поноса».) Она и при живом отце была ведущей в доме, со всепоглощающей ответственностью за всех нас, за очаг, за место всех нас в окружающем мире, такой была и остается в нашей искренней памяти наша мать.

Материнская родина – это героическая Белоруссия. Чистая и светлая, деревенька Вороницы поселения Ушачи Полоцкой губернии, на берегу дивного, с многорыбьем озера. А родилась она в деревне Ветрино этого же уезда Ушачи, там же закончила два класса церковно-приходской школы, куда я, обязательно съезжу, встречу с учащимися школы, помнящей суровые партизанские будни края Ушачи – одного из самых героических мест на многострадальной земле Белоруссии.

Мама часто и с большой любовью вспоминала жизнь в Белоруссии до переезда в далекую, морозную (до –50 градусов зимою) Сибирь в 1922 году. Вспоминала яблоки белый налив. Для меня это было какое-то чудо в ее словах о том, что как это так, получается, что кроме листьев, почек, лесных ягод, к примеру, рябины, черемухи... на дереве могут расти какие-то другие, большие, сладкие и дивные плоды.

Яблони в белорусской деревне

Рассказывала она, как мужики зимой из-под льда воротом вытаскивали самодельный, большой невод с рыбой. При этом вся деревня, и старый, и малый, собирались, чем-то помогали, потом по общинному делились радостью и добычей, при особом внимании к семьям многодетным и с малым достатком.

Она была образцом матери в повести под названием «Жизнь». В повести о её жизни каждая буква пишется как заглавная. Вспоминая всю её жизнь, я преклоняюсь перед ее высокой духовной нравственностью, жертвенностью, умом и мудростью, безмерной любовью к своим детям, а также и ко всем обездоленным, и всем, кому нужна была какая-то помощь и поддержка. Все бродяги, обездоленные, которых немало было в послевоенное время, находили приют, доброе слово, а порой и ночлег в нашей хате. Наша хата всегда была с открытыми воротами, где делились по принципу: «Всё, что могу».

Ее высокий лоб, данная от природы красота, не требующая каких-либо искусств, ее «улучшающих», теплый, с музыкальными оттенками голос, богатство души всегда вызывали у всех желание пообщаться с ней, просто поговорить или вообще только помолчать, лишь бы побыть рядом.

Знала она много молитв, заговоров. Приносили к ней и маленьких детей (помню мальчика, который ночью непроизвольно мочился...), были заговоры от укуса змей, от заикания, даже от беспричинно возникающих семейных споров, от испуга... бывало угольки из печки доставала и на них шептала молитвы и заговоры.

Я понимаю, что в этом не было прямого лечебного действия, скорее это была активизация внутренних сил, активизация самого себя. При этом, она всегда теплой рукой поглаживала те или иные места и наговоренной водичкой опрыскивала для укрепления всех внутренних сил в противоборстве с недугом.

Все встречи с ней сопровождались теплым, с мягким бархатом голосом, участливым взглядом, каким-то соучастием в той или иной проблеме, и у человека возникало и оставалось чувство уверенности, что что невозможно и дальше болеть... – ведь ты у Осиповны был. Человек от неё уходил с другой силой. И люди шли.

Я был часто невольным свидетелем этих удивительных, со взаимным проникновением в души и сердца, встреч. А вспоминая, её разговоры: они, как речки большие и малые, несли свою водицу, чтобы ей напиться, утоляя жажду. Её же слова наполняли души людей, и они от этого становились более сильными.

В её разговорах не было пустых слов и фальши, все отражало какую-то сущность, от этого они человека не утомляли с ней общаться, с её мудростью и умом всем было интересно.

Мать очень хорошо пела мягким, грудным голосом, положив натруженные руки на груди, оторвав их на минутку от работы, при этом зачастую от работы чисто мужской. Мне до сих пор хочется погладить у всех встречаемых на рынках старушек их морщинистые, с венами, очень теплые руки, когда они что-то домашнее предлагают на продажу. Порой и не надо, а я что-нибудь у них обязательно куплю.

При этом женское счастье, счастье семейной жизни с любимым человеком, досталось ей только в начале жизненного пути. Ее, как и миллионы советских женщин, постигла суровая вдовья доля, к тому же с детьми, в жестких сибирских морозах и условиях военного времени.

Они приняла на свои женские плечи, в том числе, и чисто мужские обязанности в организации крестьянского быта, когда надо было детей накормить и одеть, хату обогреть, снега на воду для себя и скотины натопить, дров из тайги привезти, как правило на быках, напилить вручную бревна, бывало до 70 см в диаметре. При этом, когда хвойные деревья пилили, пилу поливали керосином, иначе пилу вручную не протянешь. Дальше надо было чурки переколоть, скотину прибрать, огород вскопать, по осени убрать урожай, а еще, чтобы нас и себя одеть, нужно было холст соткать на самодельных «кроснах», а перед этим лён вырастить, помять и вытрепать, нитку по ниточке завести в «кросны», потом вручную иглой все сшить, к тому же ещё и валенки скатать, лапти из лыка или чуни из кудели сплести. Более трудная задача – подготовить нитку шерстяную и соткать шерстяное полотно для всяких поддевок.

Во всем этом неисчислимом перечне обязанностей только повзрослев, мы с Виктором стали ей помощниками. Более трудная доля в этом была у старшего брата. Я же учился, и только летом, проходя колхозные «университеты», старался больше помогать по дому. А так у меня девять лет проходили квартирные и интернатские школы жизни, поскольку только в первом классе я был дома, рядом с Матерью. Все наши «Артеки» были на колхозных полях и в помощи матери по-домашнему хозяйству.

По рассказам соседей, дети в нашей семье с малолетства были окружены большой домашней любовью. При этом мать и отец были очень уважаемыми людьми среди всех жителей деревни Петровка и других деревенок, ведь в сельской округе знают всё и о каждом.

Мать с двумя классами церковно-приходской школы была председателем ревизионной комиссии в колхозе «Знамя труда» в Петровке, отец же был конюхом – тоже уважаемая в деревне профессия. Им, в целом, предстояла светлая советская жизненная дорога, если бы

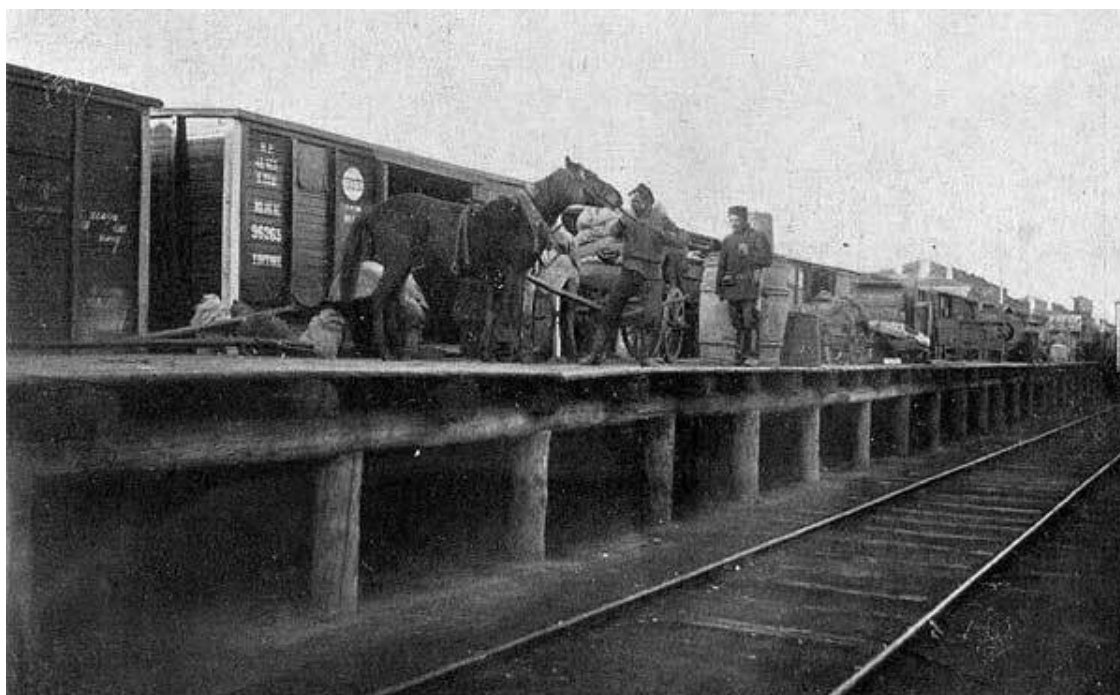
не проклятая война, унесшая отца и осиротившая нас, да и почти всю нашу деревню. Но мы никогда не чувствовали себя сиротами, пока была жива мать.

Жизнь подтвердила мудрость слов: **«Ты не одинок, пока жива мать»**. Мать ушла и ты, независимо от возраста и благосостояния, – сирота.

Как уже я говорил, родители оказались в поисках лучшей жизни в Сибири, переехав из Белоруссии. Из-за безземелья отец матери Осип в 1922 году привез всю свою большую семью в Знаменский район. Прибыли они на горельник и, вместе с другими переселенцами, образовали деревню Алексинку, в двенадцать хат. Сам же, с двумя соседями, образовал хутор в 1,5 км от Алексинки на ручье Алексинка, впадающем в реку Сик.

На хутор из Алексинки дорогу до сих пор помню, ходил к деду в гости неоднократно по ней перелесочками: теплым летом – босиком, зимой – в чунях, так как зимней обуви для маленьких вообще не было. Ведь всё было только самодельное, и не хватало рук и времени у взрослых, чтобы скатать детские валеночки или сшить сапожки. Так мы и бегали, в том числе и зимой, босиком, в лаптях или в поношенной обуви, не по возрасту, или переходило всё от подросших к меньшим.

Когда переезжали из Белоруссии по рассказам матери, от Полоцка до Омска ехали в общем вагоне, «по-фронтовому», с нарами и буржуйками. Домашние животные, в первую очередь лошади и коровы, ехали в соседнем, приспособленном для скота вагоне, там же был и весь домашний скраб.

Платформа для перегрузки переселенческой клади

Переезжала наша большая семья в составе: отец матери Осип, коренной белорус, его жена Фронка Шпалецкая – полячка. Вместе с ними их дети: старший Виктор с женой Анетой и двумя детьми Янкой и Михалиной, моя мамочка Юзя, далее Яков и Михаил, дочери: Полина, Маруся (Марыля), Елена (Гелена).

В вагонах этого же поезда, как я уже писал, везли все для обустройства жизни на новом, безлюдном, таежном, урманском месте жизни. Кто-то вез с собой лошадь, другую скотину, все обязательно везли инструменты для работы, прежде всего, по дереву: пилы, в том числе для распиливания бревен на плахи на специальных деревянных станках – подставах, двуручными

станочными пилами, широкие, с большими зубьями пилы обычные, ножовки, топоры, точила, бруски, скобелки, рубанки, фуганки, долота, ручные сверла, стамески, гвозди, ножи, молотки, даже кувалду, помню, видел. Также всё для упряжки и обработки земли, хомуты, седелки, шлеи, плуги, бороны, лопаты, тяпки...

Посуды металлической в то время не было, все дедушка делал своими руками из дерева. Этими инструментами потом строили хаты или пятистенки, кто посильнее, изготавливали всю домашнюю утварь: столы, скамейки, бочонки, бочки, чашки большие, которые ставили на общий стол, как общую для всех, чашки маленькие, ложки (получались такие толстые, что в маленький рот с трудом помещались), туезы для молока и других жидких продуктов делали на месте из бересты, также из бересты изготавливали много других домашних поделок. Запомнились самодельные гребешки для расчесывания волос на голове, как для женщин, так и для мужчин, из рогов лосей, которых на чердаке было всегда достаточно. До сих пор не знаю, как и чем пропиливались зубья в них. Необходимость в них была, так как промышленных расчесок и гребешков вообще не было никаких. И мы, дети, когда у кого-то из приезжих их видели, то удивлялись такому чуду и просились ими причесаться.

Кроме того, везли всю оснастку для изготовления кирпичей из местной глины. Она была в изобилии, в одних местах была синей, а в других – красной. Позднее из глины научились делать и делали крынки и горшки.

Также везли с собой чугуны, ухваты, сковороды. Одна такая сковорода, с царских времен знатно пекущая блины, служила нам до моего поступления в училище. Везли и железные печурки, с которыми растапливались для быстрого обогрева жилища, в последующем же растапливали большую печь, сложенную одним на несколько деревень умельцем-печником, как правило, из необожженного кирпича, сделанного самими. Получалось, что-то как бы глинобитное, так как кирпич необожженный. Отсюда видно, что вся хата, где мы жили, и всё наше подворье было в окружении своими руками сделанного подспорья, и многое из этого делалось очень умелыми руками нашей любимой матери.

При этом вся деревня знала, как кто живёт, у кого лучшие бочонки туезы, у кого как топится печь, или поддымливает, или горит ярко, не дымит и готовит быстро. Печник один на несколько деревень и у всех был в почете и уважении. Каждый хотел его угостить и налить рюмочку. В печи в деревне вся жизнь. Она и греет, и еду готовит, и в печурках обувь, варежки сушит, и поспать на ней можно, мать почти всю жизнь на ней спала. Когда дедушка всех привез в Сибирь, мать была уже невеста, остальные – юноши, подросточки и совсем маленькая Леночка, так что строились всем миром.

Осип – отец матери, первопроходец, мой дедушка, белорус, профессиональный плотник. Привез из Белоруссии в Сибирь семью: жену, трех сыновей и четырех дочерей, и построил пятистенку на хуторе Алексинский. Похоронен на освященном кладбище в Ларионовке, а умер в Куерах

Разгрузились с парохода в Усть-Шише и со скарбом на телеге и в руках за 30 км пришли на выбранное дедушкой Осипом (он ходок там приходил) место в байраке у безымянного ручья. Вырыли землянку, переходящую в шалаш, подготовили все к зиме, там все вместе и зимовали.

Далее к соседям по хутору переходишь маленький ручеек из таежного ключа, бьющего из-под кочек рядом стоявшего березняка-подлесочка, по деревянной кладке из досочек проходишь по извилистой тропинке с мягкой, ароматной травушкой-муравушкой, украшенной разбросанными васильками и белым клевером (на котором постоянно висели мохнатые лесные пчелы и шмели, все небольшие, земляные или дупляные), затем, поднимаешься на увальчик к пятистенку Трофимовых.

Дальше (через 50–70 метров) по берегу ручья также пятистенку Юзюка «Черного». И все это по берегу нашего быстрого, цветистого, напористого по весне ручья, впадающего в реку Сик, текущую из Васюганских болот в реку Туй.

У каждого на хуторе под берегом ручья был вырыт колодец, обложенный круглым лесом. На зиму они все замерзали, и все, круглые сутки, топили снег на воду на жестяных печурках, на себя и на скотину.

Так и образовался хутор Юзюков на три хозяина в 1,5 км от села Алексинское. Почему Юзюков? Потому что был Юзюк – «Рыжий», наш дедушка Осип и Юзюк – «Черный». Так их все звали наверное потому, что бороды такие у них были, а посреди их, хозяйство Трофимовых.

За весну, лето и осень вручную всей семьей построили из местного леса пятистенки в «угол», сложили печь и к зиме вошли под крышу. Моя мать, уже как взрослая, и тайгу корчевала, и бревна пилила, и их носила, и подавала отцу, складывающему дом, работала, практически наравне с мужчинами. Помогал корчевать и строить дом привезенный из Белоруссии конь Гнедко. Даже корова помогала с помощью веревок пни корчевать. Пол в доме был из вручную пиленных досок-плах, потолок – из тесанных полубревен, из них же столы и скамейки. Как я уже говорил, вся посуда, чашки и ложки, были выструганы скобелками вручную, молоко и другие молочные продукты и все жидкое хранили в самодельных из глины кринках, горшках и туесах из бересты.

Но все наше обустройство огорчилось бедой – зимой простыла в шалаше и умерла молодой от так называемой чахотки моя бабушка Фронка. Была она очень красивая и любимая дедушкой. И дедушка остался один и был верен до конца жизни ей и своим детям. Не смог привести другую мать для своих детей в дом.

Землянка, переходящая в шалаш, строившаяся переселенцами на перевозимье

Такие вот они все, наши великие Русичи.

Когда погиб мой отец, моя мамочка тоже осталась молодой, было много к ней сватов. Но она не смогла привести другого отца нам. Как я уже говорил, сказала она себе и нам: «Будем жить вместе одни, будем трудиться и выживем. Не хочу другого отца своим детям!».

Постепенно большое семейство дедушки Осипа повзросло и с хутора начало расселяться: в деревню Князевское уехал Виктор с семьей, по линии бабушки Фронки (девичья фамилия Шпалецкая) были родственники в Ленинграде, и к ним уехала Полина, впоследствии она переехала в Москву, где вышла замуж за хорошего человека, дядю Васю. Остальные обживались и обустраивались вокруг Алексинки, где было еще два хутора: Голещина и Давыдовщина.

На хуторе Голещина, от Алексинки в 1,5 км в другую от Алексинского хутора сторону, жила семья из более ранних местных переселенцев Терентьевых во главе с моим дедушкой по линии отца, Алексеем. Семья большая, до коллективизации жили справно, были коровы,

лошади и обработанная земля – большая полоса «Голещина», на которой растили рожь, и, в последующем, когда образовались колхозы, была основным полем, наряду с Давыдовщиной.

Бабушка по линии отца, была особо сибирско-сильная, никакие морозы ей были нипочем. Рассказывают, что в легкой одежде, на запряженных жеребцах до колхозов она любила с лихостью ездить по гостям, в соседние деревни, одевая при любых морозах одну юбку и верхнюю одежду.

У них дома стояли большие кросны – самодельные ткацкие станки. На них, как и во всех в наших деревнях, ткали все свое из льна и шерсти.

Будущий дедушка Алексей договорился с дедушкой Осипом, чтобы в свободное от летних работ время взять мою матушку в работницы – помогать ткать материю, шить и одевать всю большую семью, т. к. у Терентьевых своих взрослых дочерей не было, только одна маленькая девочка (недавно нашлась ее внучка в Москве, созванивались), а было три сына и все они, три брата, в том числе и мой отец, впоследствии воевали и двое погибли – отец и Николай.

Вот там и приглянулась девушка Юзя их сыну Володе. Она была, как я уже писал, видная, умная и большая рукодельница, сама мяла и трепала лен, пряла нитки, ткала на кроснах полотно, очень умело накручивала на навой каждую ниточку отдельно, пропуская их через узкую щель в прибивной доске, делила их на две части, которые поднимались поочередно ножными педалями, как на пианино, и в образующийся проход пробрасывался челнок с внутренней ниткой туда и обратно, и прибивая вручную каждую нитку «прибивкой», получалось полотно, которое наматывалось на барабан готового холста. Мать умело все заводила и настраивала весь механизм ткацкого станка, мало того, еще и какие-то узоры на нем могла выткать.

Белорусские кросны в Алексинской хате

Это были кросны, сделанные местными умельцами без единого гвоздя. Повторюсь, такие же потом стояли и в нашей хате в Алексинке, когда мы, после гибели отца, переехали из Петровки.

В те времена я помню у матери был только один ситцевый платочек на голове в цветиках, как у нас говорили, «фабричного» изготовления. Все остальное: рубашки, брюки, белье нательное и постельное, шапки, рукавицы, в том числе обшитые шубенки, изготавливали из льняного холста или домотканой ткани из шерсти овец. Делали это женские натруженные руки, том числе и моей матери, и всех подрастающих в семье девушек.

Только валенки катали, как правило, мужчины, так как нужна была мужская сила, чтобы укатать шерсть. Они же шили сапоги из шкур домашних животных, чаще из шкур добытых лосей, ибо шкуры домашних животных сдавались заготовителям.

Во всем этом многообразном рукоделии моя мамочка Юзефа Осиповна была большая умелица и талантливая наставница, одна «ткацкая фабрика» на дому чего стоила. Чтобы ее настроить, нужны были и ум, и память, и сообразительность, ведь никаких письменных инструкций не было. Все в деревне знали Осиповну и приходили к ней за советом.

Вязание спицами одежды из шерсти овец натруженными руками матери

Моя мама вскоре после переезда из Урмана в совхоз «Сосновский», 1961 год

При всем при этом на первом месте была работа в колхозе: надо было жать серпом колхозный хлеб, ухаживать и доить коров, все вручную, растить телят и поросят, косить и грести в копны сено, вручную косой и граблями метать и вершить стога, и много чего еще помимо домашней работы. При этом из колхоза мы ничего не получали, на трудодни только в конце года давали полмешка ржи, а кормить семью, в том числе детей и стариков, надо было каждый день. И мы все, при этом, также имели какие-то обязанности по дому: смотреть цыплят, окучивать картошку, что-то прополоть. Просто побегать была большая привилегия, и это только после выполнения домашнего задания матери, которую она давала при уходе на колхозную работу.

Четыре сестры: первая слева наша мать Юзефа Осиповна, далее её сестры: Полина, Маруся, Елена. Все они горячо любили нас с братом. Совхоз Сосновский, 1968 год

И для нас было самое большое счастье получить слова одобрения матери за ту или иную порученную работу. Я до военного училища с удовольствием выскреб большим ножом до желта пол в нашей Куеринской хате, сказал традиционное: «Мама, прими работу», и на другой день телега повезла меня в училище.

Мудрое и во всем ответственное выражение лица матери, ее мягкий, с музыкальным оттенком, голос, через все это выражаемая сердечность всегда согревала и согревает сейчас мое сердце и душу. Делает незабываемым мое детство и юношество.

После войны мать была награждена медалью с ликом Сталина «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годы», со словами на обратной стороне медали «Наше дело правое, мы победили». Мы этой медалью играли и очень гордились, одевали по очереди, а в лихолетье переездов где-то ее затеряли, о чем сильно сожалею.

Очень жаль, что до сих пор, нет у нас в стране памятника просто «Матери, женщине», наравне с памятником «Солдату – Освободителю», жене фронтовика, с дитем, выращенным в лихолетье, занимавшейся домашним хозяйством, а еще и наравне с мужчинами работавшей в колхозе. Кажется, что моя мать, и такие как она (у одной нашей землячки из Знаменского района погибло семь сыновей), были бы очень достойными символами для такого памятника.

Без этой морально-нравственной силы наших матерей, поддерживающих и олицетворяющих единство фронта и тыла, получающих фронтовые треугольники, не было бы ни «Жди меня, и я вернусь...», ни «Землянки», ни «Темной ночи...», ни той силы, которая поднимала из окопов бойцов в штыковую.

Открытие памятника «Танк Т-55» в Знаменском районе Омской области – символа защиты Отечества в далеком прошлом и настоящем, символа любви к большой и малой Родине, и к материнству в великом и малом...

Два года назад по обращению замечательного главы Знаменского района (на котором закончились хозяйственники – радетели района) Онуфриева Александра Ивановича и всех жителей района мне удалось помочь установить танк Т-55 на центральной площади райцентра родного Знаменского района, как символ мужества наших отцов и беззаветной трудовой доблести тружеников тыла, прежде всего наших матерей, вдов фронтовиков, вынесших на своих плечах и не по-женски мозолистых руках всю тяжесть сурового военного времени, заливших своими слезами не одну подушку в ожидании весточки с фронта. Там же заслужено стоит памятник солдату-победителю, построенный знаменцами.

Хорошо бы, как я уже говорил, поставить памятник и Женщине-матери, порой безвестной труженице тыла, которая всю себя, все земные чувства, отдала за Победу, слезы которой сыпались на погоны вернувшихся мужей, сыновей, братьев и обнимали победителей их натруженные, мозолистые, от того еще более теплые, любимые и любящие руки.

Мать всегда была среди встречающих, с завистью и радостью за соседей, у кого вернулись, пусть безногие, безрукие, но живые, исстрадавшиеся в окопах близкие, мужья, отцы и братья... и всегда были слёзы, слёзы радости и горести.

Помню, мать еще долго чего-то поджидала. Ведь бывало, что и после плохих известий, кто-то возвращался из каких-нибудь лагерей и скитаний... Мало ли куда кого забрасывало военное лихолетье. И ждала отца очень долго. Все ждали. При этом очень быстро разлеталась весть о чуде, если кто-то отыскивался безвестный и возвращался. Все бежали встречать, и мы, босоногие, бежали как на своего родного взглянуть, хотя бы обнять за ноги и где-то из-под лавки поплакать тайком, послушать разговоры о войне.

Говоря о матери, я часто отхожу в описание всего, что окружало ее по жизни, чем она жила, с целью показать величие ее души и сердца и всех наших матерей – вдов фронтовиков и величественность их трудового подвига. На них держался тыл, и на фронте их любовь делала мужей и сыновей непобедимыми.

Сыновья Виктор и Антон с любимой матерью Юзефой Осиповной. Поселок Сосновский Омской области. 1983 год

Вехи жизни матери:

Родилась – Ветрино Полоцкой губернии Лепельского уезда.

В Сибири:

Хутор Алексинский – Знаменский район Омской области;

Хутор Голещина – Знаменский район Омской области;

Кукушка, Волай – Васисский район Омской области

Петровка – Васисский район Омской области;

Хутор Алексинский – Знаменский район Омской области;

Петровка – Васисский район Омской области;

Алексинка – Знаменский район Омской области;

Крутинка – Знаменский район Омской области;

Куеры – Знаменский район Омской области;

Сосновский совхоз – Таврический район Омской области;

Похоронена на Сосновском кладбище Таврического района Омской области.

Вечная тебе память и сыновья любовь дорогая мамочка!

Попытался сказать тебе ласковые слова, к светлой памяти о тебе и ко всем нашим матерям. Вообще, по своей сердечности благодарственные слова, обращаемые к нашим матерям, есть высшее проявление теплоты наших душ.

Встречая каждый рассвет, перекрестившись, здороваюсь, глядя на восход, с Солнцем, со светлыми душами моей матери, брата и всех ушедших близких и желаю здоровья и благоденствия всем живущим.

Нет любви выше, чем любовь к матери и любви матери. Берегите своих матерей!!!

Объединяющая нас с дорогим братом Рябина перед хатой в деревне Алексинка

Светлой памяти дорогого брата Виктора

Мой старший брат Терентьев Виктор Владимирович родился 10 июня 1934 года в деревне Ново-Князевка Князевского сельского совета Васисского района.

Деревня Ново-Князевка, также имела название Волай, а район, созданный специально под организацию этапирования «раскулаченных» на Васюганские болота, с началом войны в 1941 году и в связи с потерей актуальности этой темы, был разделен между Тарским и Знаменским.

Дорогой брат Виктор после переезда из урмана в совхоз Сосновский. В день Троицы. 1961 год

До гибели отца родители вместе с детьми, самым старшим Шурой (он умер в четыре годика на хуторе дедушки Осипа), Виктором и дочерью Зиной жили в других деревнях: Волае, Кукушке, Петровке, но чаще всего всех собирал под крышу рано потерявший жену отец матери – Осип, человек со всегда натруженными руками и очень добрым сердцем, на хуторе Алексинском (недалеко от деревни Алексинка). Хотя родители отца жили с достатком на хуторе Голещина, тоже километрах в двух от деревни Алексинка, только в другую сторону, но характер свекрови не позволил семье сына Володи (моего отца) проживать с ними под одной крышей.

Поэтому дорогому брату с детского возраста и до последних дней предстояла многотрудная судьба подростка, юноши – помощника матери в суровой (морозы до 56° и многоснежьем)

«урманской» (а это строже чем «таёжной») жизни с водительской профессией, вырастить и в условиях села дать высшее образование трем прекрасным детям: Ирине, Лене и Володе.

Ничем нельзя до конца заглушить столь раннюю боль утраты старшего брата. При этом, очень жаль утерянных возможностей в проявлениях ещё большей любви к тебе, постоянной требовательностью общения с твоей природной мудростью, где каждое слово, сказанное тобой, имеет глубокий смысл и значение.

При жизни ты всегда был для меня, всех нас, твоих близких, по жизни «житейским мудрецом», и остался в памяти как большой труженик и сильный человек, со светлой, впечатлительной, заточенной на справедливость, ранимой душой.

Жизнь у тебя была в постоянном, как физическом и умственном напряжении, и много раз ты поговаривал: «Был бы жив отец, вернулся бы с фронта, как у других счастливых детей, и наша жизнь была бы не такой тяжелой». Была бы не такой, порой страдальческой, не по возрасту, особенно для тебя, с 15-ти лет работавшего колхозником наравне со взрослыми. При этом каждая жизненная ситуация проходила, как по лезвию ножа, без права на ошибку, а если вдруг она совершалась, стоила большой цены, её исправить.

Ходил ты в нашу Петровскую школу – четырехлетку, по окончании которой твоё образование закончилось. Но получил ты самое «высшее» образование, через университеты жизни, как у Горького, через жизненный опыт, твой природный ум, и от общения с умными людьми, которых по жизни у тебя было много. Они к тебе тоже тянулись, начиная от директора совхоза – героя труда, Вирича Григория Яковлевича, которого ты возил водителем почти 20 лет. Он тебя очень любил, любил в тебе человека.

Мне из нашего детства запомнился эпизод, как мы проводили тебя, с матерью в школу. Подошли к обыкновенной хате, где жила и учила наша сельская учительница, а ты там был единственный ученик. Вы с мамой зашли в хату, я же остался на крыльце и все хотел подсмотреть, это для меня таинственное и недоступное место, где получают знания. Какое-то благоговейное чувство было перед порогом, но как-то не получилось зайти и посмотреть: а что там? Скорее всего в хате не было никаких парт, а все ограничивалось скамейкой и самодельным, деревянным столом. Мать меня взяла за руку, а другой рукой положила на верхний косяк бутылочку с молоком и скибочку хлеба для тебя. Вся эта обстановка пронизывалась таким теплым чувством доброты и теплоты, что и в церковь за этими чувствами ходить было не обязательно.

Учился ты очень хорошо, но жизнь не дала тебе, после гибели отца, продолжить учебу выше четвертого класса. Дома нужен был мужчина, помощник матери. И ты нес эту заботу своими натруженными руками всю свою жизнь. И рука твоя осталась мозолистой до последних минут, когда часто-часто пожала мою руку за две минуты до окончания твоей земной жизни в Тавричанской больнице.

Проживая на Петровке после четвертого класса, как, наверное, и все дети времён войны, с детства всю мужскую работу делали своими детскими и юношескими руками: и дрова пилили и кололи, и сушняк в лесу рубили, носили его домой, и хлеб убирали, и снег топили, и воду носили... У меня до сих пор метка от обуха топора осталась на правой брови, когда я, везде таскаясь за тобой, близко неосторожно сзади подошел, и ты, размахиваясь, срубая сухое дерево, случайно меня задел (метка осталась – но от неё идет тепло). Мама рассказывала, что ты принес меня из леса домой на руках, и много крови было, и при этом ты очень переживал и плакал за маленького братика. Тебе в то время было лет 12–13, а мне 4–5.

При этом мы с тобой счастливые люди, поскольку были одарены сильной, всеобъемлющей любовью матери, которой были окутаны как в прошлом, так уже и во взрослой жизни.

Человек счастлив там, где его любят. Мы с тобой, окруженные любовью матери, ещё раз повторяю, пожизненно счастливые люди. О таких, как наша мать, снимают фильмы, пишут книги, она – частица всех памятников Матерям.

Распалась наша красавица Петровка, мать переехала в Алексинку, в Павлюкову хату. Ты, будучи еще подростком, уже имел ответственность полноценного мужчины за устройство дома и быта, и делал свой мужской вклад в нашу жизнь, заменяя в чем-то и отца в моем воспитании. Сам, своими руками перестелил пол в хате, сделал из осины, как более податливого дерева, кровать, а затем сеновал для сена, когда мать развела овец, а самодельный стол и скамейки достались нам от Павлюка, вместе с хатой.

Мололи с тобой рожь на домашних самодельных жорнах, сделанных дедушкой Осипом. В чурки лиственницы он вбил куски от разбитого «чугунка», долго их как-то обтачивал, и стали они похожими на поверхности выступающих рубцов, как у зуба мамонта, успешно размалывающими зерна. В Алексинке из-за скудности мать подсыпала в жорны вместе с рожью и мякину.

Как сейчас помню свою тоненькую, мало помогающую ручонку на ручке «самодельной мельницы», с сильным утончением от трения в месте охвата ее ладонями рук, вращающих тяжелый жернов этой средневековой домашней мельницы.

При этом я не помню каких-то отдыхов в нашем доме, и вообще в наших деревнях. Все работали в колхозе или дома, от первых петухов и далеко затемно.

У каждого были свои обязанности, в том числе и у нас – детей, в зависимости от возраста: и цыплят смотреть, когда взрослые на работе, чтобы коршун не схватил или змея не съела, и картошку окучить, и дров наносить, и снега натопить для дома и для хозяйства, а с 7–8 лет находилась работа уже и в колхозе.

Единственное, если можно это назвать отдыхом, у брата была охота. Он очень ее любил, при этом с глубоким уважением относился ко всем обитателям тайги и обо всех их привычках рассказывал с большой любовью. Рассказывал о косачах, зайцах, горностаях, куропатках, ласках, колонках, глухарях, находя в них и какие-то человеческие качества. Складывалось впечатление, что они тоже люди, только в другом обличье, и все одинаковы дети «жизни».

От отца осталась длинная берданка 28-го калибра с синим почему-то прикладом, и брат с ней каждое весеннее утро ходил на тетеревиный ток. Надо было вставать где-то в 4 часа и к 5.00 быть на току, который он разведывал заранее и строил там бучек.

Сибирский Тетеревиный ток. Только на один ток в Алексинке на Голещине слетались сотни косачей. За их бормотанием выстрелов слышно не было – поднимают головы, послушают и опять токуют

А их, непуганых тетеревов, помногу слеталось на ток со всего окружающего леса. При этом первым прилетал самый красивый, с синими переливами, белым ожерельем под «косами» хвоста, с красными бровями косач-«токовик» и его нельзя было стрелять, поскольку без него ток распадается. А почему их слеталось сотнями? Они до нас жили в тайге, бедно питались почками, насекомыми, букашками и червячками... всем, что вокруг. Были еще и всякие напасти, засухи, пожары, и им приходилось по-всякому. А тут пришли люди в тайгу, раскорчевали, распахали и посеяли рожь или пшеницу, и их расплодилось очень много, поскольку это куры, только лесные. Все охотники, в основном, дети войны и вернувшиеся с фронта, как правило калеки, из своих допотопных ружей добывали каждый за утро по 4–5 тетеревов.

Это был способ существования, так как за дичью приезжали заготовители из района, давали не деньги, а какие-то домашние промышленные товары, порох, дробь и капсюли. Однажды брату даже дали зеленые ватные брюки, фуфайку и обыкновенную солдатскую шапку, которой брат очень гордился. Было большое горе, когда кто-то из соседней деревни ее украл или взял по ошибке, во время чьей-то свадьбы, где принимал участие и подросший брат. Также могли дать за дичь кусок большого хозяйственного мыла и спички. Однажды ситцевый платочек для матери дали, во всем промышленном товаре был большой дефицит. Для себя сеяли лен, пряли пряжу, ткали на кроснах и иголкой шили всю одежду. Некоторые с войны привезли коробки иголок или карандашей, и это им очень помогало иметь достаток в жизни, и нам подспорье. Пряжа была из овечьей шерсти, из которой ткали и шили одежду на зиму.

Как правило, к завтраку брат приходил с тока, а я выскакивал на крыльцо смотреть изда-лека, что брат несет у пояса. На один ток ходило по 3–4 охотника и ты нес всегда на уровне взрослых.

Потом ты шел в колхоз, где полноценно работал с 12–14 лет. Тебе, как мало социально защищенному, как правило, доставались самые никудышные быки: «Мальчик» или «Рубис». Не было ни отца, ни старшего брата, и некому было за тебя постоять. Иногда мать приходила и со слезами перед бригадиром отстаивала какие-то твои права.

А этой бедной скотине – деревенским быкам и лошадям, должны поставить трудовой памятник, как устроителям нашей жизни, за их беззаветные усилия. На них и поднимали залог, в том числе и Виктор этим занимался. Пахали землю большим, очень тяжелым железным плугом с большим блестящим лемехом, и боронили, и снопы на молотилку свозили. И никакие другие сельскохозяйственные работы не обходились без них.

Вся Алексинка строилась и развивалась на быках. Коней было единицы, которых очень берегли.

Вот такая доля выпала на всех нас и на животных, как во время ранних колхозов, так и в послевоенное время, и через это лихолетье прошёл брат Виктор

Бывало, брат с Шуркой, своим другом, обоим по 16 лет, летом в жару пашут. От тяжелой работы и от ужасного таежного гнуса быки затащат их вместе с плугом в чащу, спасаясь от этой напасти. По рассказам Виктора, сидим и плачем от безысходности и поиска способов заставить их работать... При этом другие «счастливчики» работали на быке Жаховском или Красном, которые могли до следующей деревни бегом везти сани или телегу, и в пахоте были сильные и послушные.

Видя его мытарства на работе в колхозе, мама иногда жалела и не будила его на охоту утром, давала поспать, на что брат потом сильно обижался и просил этого не делать. Между ним и матерью была с детства большая безоговорочная любовь.

У матери, после одновременного прихода похоронки с фронта на мужа и смерти девятилетней сестренки Зиновки, случались сердечные приступы и очень медленно, с годами, мать приходила в себя. В один из них он обнял ее ноги со словами: «Мамочка! Возьми мое сердце!».

Первый армейский снимок брата Виктора (Челябинск-40) 1953 год

Я немного описал самое многотрудное, можно сказать, бедственное время его жизни. Впоследствии он стал конюхом в Крутинке, а это уже «деревенская знать», и жить нам стало легче, ибо до этого вопрос стоял больше о выживании, чем о жизни.

Вернувшись из армии, брат работал шофером на ГАЗ-51 в колхозе имени Кирова, жили в Куерах, а контора колхоза была в Ларионовке. Это тоже очень уважаемая должность для всего колхоза, так как в колхозе было всего две машины: одна на чурочках в Тайге, другая у нас – в Куерах у Виктора.

Ездил он и зимой на цепях, надетых на колеса, и летом по «фронтовым» деревенским, таежным дорогам и болотам, где было всё, только пули не летали. Все знали, что Виктор и по болоту, и в глинистую гору все равно проедет.

Увидев номер его газика 64–68 в окно 10-го класса школы в Новоягодном, когда он туда приезжал, всегда просил разрешения выйти с урока, чтобы пообщаться с ним, один раз даже по 100 грамм из его «бардачка» выпили. А когда вернулся за парту, меня почему-то вызвали к доске, и чтобы не выяснилось, что я выпил, вынужден был сказать: «Не знаю». Учительница с удовольствием «влепила» мне двойку, наверное, в воспитательных целях, чтобы побегал, пересдавал потом весь учебник.

Распались Куеры, и мы переехали в совхоз Сосновский, где он более двадцати лет возил героического директора совхоза Вирича Григория Яковлевича.

Григорий Яковлевич поднимал совхоз с колен, как в кинофильме «Председатель», а завершил созданием высокоэффективного хозяйства: 32 000 гектаров пахотной земли-чернозема, Зерноток, Молочный завод, Дом культуры, спортивный зал, зона отдыха с двумя большими прудами для рыбной ловли и для плавания. Все это было спроектировано и построено Григорием Яковлевичем. В совхозе были организованы команды по хоккею и футболу, занимавшие призовые места в обществе «Урожай». За них болели всем совхозом.

На таком автомобиле ГАЗ-21 брат всего около двадцати лет возил героического директора совхоза «Сосновский» Вирича Григория Яковлевича

Ушел Вирич и все рухнуло, а сейчас просто разграблено. Брат был у него советником «от сохи» и был настолько углублен в совхозные дела, будучи всё время рядом с директором, что он предлагал ему, с 4-мя классами, стать управляющим ведущего пятого отделения, а там и агроном, и инженер, и зоотехник с высшим образованием. Виктор отказался, за что я его ругал.

Они с Виктором были не просто водитель и директор. Это были настоящие друзья и ушли практически одновременно с работы, и от обоих остались не только кресты на совхозном кладбище, а осталась большая память как о подвижниках в развитии совхоза.

Брат Виктор с женой Раисой Захаровной и сыном Владимиром

При этом у Виктора вырос очень достойный сын Владимир. Полковник полиции, а после увольнения вполне успешно занимающийся производством сельскохозяйственной продукции, в самой крупной в области и заметной в стране фирме.

Когда ушел из жизни Виктор, очень уважаемый человек в совхозе и во всей Омской области. Весь народ провожал его в последний путь, многие со слезами на глазах.

Похоронен в Сосновском совхозе, рядом с матерью, делая их любовные отношения вечными.

Люди живы, пока их помнят. Пишу эти строчки, чтобы как можно дольше сохранилась о нем память людская. Память как что-то чистое, светлое и многомудрое в его каждом слове, в теплом, чуть прищуренном взгляде, и до последнего теплых его мозолистых рук.

В минуты теплых, Забайкальских, братских встреч. Чита, 1992 год

Светлая тебе память, дорогой брат!

Классическое сочетание Печи и Плиты в деревенской хате

Деревня Петровка на реке Сик

Сибирская деревенька Петровка Васисского (Знаменского) района Омской области (О Петровке, где я 24 июня 1941 года родился, что-то из своих детских воспоминаний, что-то из рассказов взрослых).

Сибирская деревенька Петровка Васисского (Знаменского) района Омской области, стояла на ручье, можно сказать, небольшой речке под одноименным названием Петровка, в 400 км на север от Омска, на самом северном краю Омской области, среди нехоженой тайги – урмана и непроходимых болот. Возможно, от реченьки и наша деревня название получила, а вот почему появилось имя Петровка, то это, могло быть, от имени какого-то первопроходца-старообрядца или переселенца, а может зимовье таежного охотника – Петра там стояло, или беглый каторжанин там замерз... и такое возможно, все часто имена приживаются, по какому-то случаю, даже слову...

Петровка – окраина Васисского (Знаменского) района, центра Васюганских болот, мест ссылки раскулаченных кулаков – цвета нашего крестьянства до 1930-х годов.

Деревня Петровка на Сику имела по устройству жилищ в чем-то, старообрядческий колорит. Она была основана в период 1900–1910 годов, в то время ней проживало (на 1910 год) 36 душ женского пола и 30 душ мужского пола, домов всего 12–15. Все дома и хаты под драньем.

Это была единственная в Урмане деревня с элементами старообрядчества: особо толстые бревна для сруба, все «в лапу», полы и потолки из пиленных вручную плах; отдельно, как бы пристроенный, двор под подворье, погреба под различную снедь: солонину, дары природы и под домашние заготовки. Это все строилось до колхозов, когда человек работал на себя и для себя, подразумевая в дальнейшем излишки продавать государству и покупать промышленные товары, одежду, обувь, лобогрейки, бороны, молотилки, в будущем кооперируясь, приобретать трактора, комбайны и другую технику... такие были доколхозные намерения.

Хаты с подворьем Сибирских деревенок в начале 1920-х годов...

По устройству жилищ, как правило, у всех были добротные ворота, изгородь из обрезки или тын по периметру, у большинства домов высокое крыльцо – это давало возможность иметь двухрядный листовенный фундамент и высокое подполье.

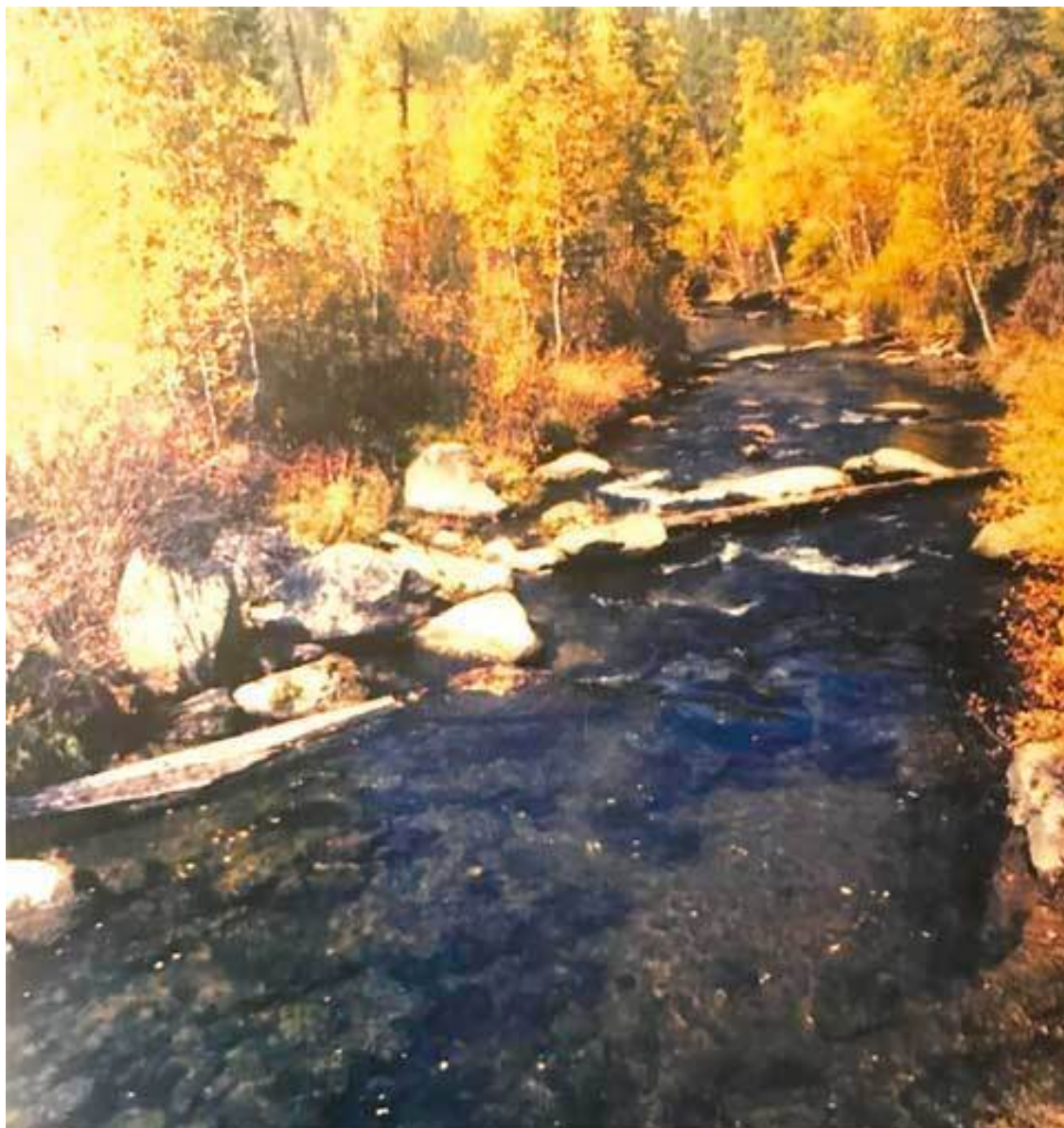
В деревне была всего одна улица из одного ряда домов. Сторона деревни, обращенная к реченьке Петровке, была не застроена – открытая. Это давало возможность из близких к ней окон слышать мягкое, кое-где бурунистое, между упавшими деревьями, высоким кокчевьем и камнями, течение.

Этой таежной музыкой и видом на реку Петровку отдыхали человеческие души от ежедневного, безответного колхозного и домашнего труда. Но, при этом, как детской цепкой памятью запомнилось, всегда на лицах жителей, Петровцев, было чувство доброты и, какой-то готовности к соучастию в помощи к другим, во всем. Особенно их лица освещались в редкие свободные от тяжелой, ручной, без всякой механизации, работы, минуты, когда можно было присесть, поговорить или просто рядом помолчать.

И при этом в деревеньке ни одна соседская или родственная скромная «вечеря» не обходилась без красивых, с сильными обволакивающими голосами, задушевных и близких к каждому сердцу песен. Выходит, что «изобилие» не всегда есть прямая дорога к счастью, а есть еще что-то более значимое для ощущения счастья нашими душами, счастья всей жизни, как таковой. И становится понятно, почему мы часто и с теплотой вспоминаем Советский Союз?

К сожалению, сегодня мы живем в мире без деревенских песен «на лавочках» перед палисадниками. Хотя еще и осталось то, что тянет к любимым стежкам-дорожкам, к таежным ручьям и реченькам, к общению с «открытыми, сибирскими лицами»... в конечном счете, к бывшей юности и самоощущению себя, в окружении в целом ласкового и сильного Урмана.

Наша реченька Петровка в далекие времена, одиноко протекая в глухомани, наверное, давно ждала нас к себе, чтобы поделиться своей свежестью, пьянящим вкусом можжевельника и смородины с людьми. Ими оказались мы, прибывшие издалека, пришедшие к ней с деревянными самодельными ведрами на самодельных коромыслах, устало приседавшие на ее бережок перед тем, как зачерпнуть водицу, послушать ее журчание, с маленькими «гребешками» на межкаменных перекатах.

Маленькая реченька Петровка с пьянящим вкусом можжевельника и смородины, одиноко протекающая в лесной глухомани...

И ты, реченька, с радостью отдавала всем нам частицу тепла от своей студёности, и частицу стойкости ко всем невгодам в многотрудности сибирского «самодельного» быта, как бы говоря нам: «Не горюйте, вместе выживем. Я сильная, я помогу».

Маленькая Петровка впадает в реку Сик, а она – в Туй, в названии которого есть что-то от времен Кучумского ханства, а тот – в реку Иртыш, в местах окончания героических походов Ермака. Он на ладьях дошел по Иртышу до устья реки Шиш; устье же реки Туй находится несколько ниже по Иртышу.

Значит Ермак проходил устье Туя и его дружина пила нашу «смородиновую» водичку Петровскую. При этом местные татары, остатки монголо-татарского ханства Кучума, бежали из Усть-Шиша под натиском Ермака вверх по реке Иртыш и образовали впоследствии ряд деревень: Уштамак, Аргаис и другие. Там потом появились от смешения кровей очень много красивых людей, особенно девчат, пользующихся нашей всеобщей «любовью» к ним, в Ново-годинской школе, где мы все вместе учились с 8-го по 10-й класс.

По левому другому берегу реки Петровки рос густой, смешанный с подлеском лес, по-нашему «урман». Сосен и других хвойных деревьев было немного, росли в основном береза, осина, ивняк, много липы и дикого, все обвивающего, белого хмеля, образуя майско-июньскую, вместе с черёмухой, белую «кипень» по берегам. У самого берега Петровки, местами прямо в воде, под берегом обильно росла красная смородина.

По осени, когда смородина осыпается, по речке текли ее красные струи, а собирали ее в основном дети и старики, те, кто не работал в колхозе. Заготавливалась она на зиму бочками, наряду с солеными грибами и капустой. Имея подвал с картошкой, да если еще купить соли и спичек, на домашних жорнах смолоть муки, то можно уже было и жить.

Из сока красной смородины, по отзывам взрослых, получался очень хороший самогон с теплым, согревающим душу, ароматом. Встречи по престольным праздникам и по другим важным событиям обязательно сопровождались, как уже говорил, песнями и рюмочкой этого напитка. У меня даже сохранились детские воспоминания об этих задушевных, простых посиделках, за деревянными столами со скамейками, чаепитиями из самовара, который надували сапогом. А чай заваривали местными травами и кореньями, это было в нашей традиции. Оказывается, это был и остается сегодня самым драгоценным, согревающим душу и сердце чаем.

Правый берег речки был такой увалистый, покрытый настоящей, зеленой, с темным оттенком, невысокой травушкой-муравушкой, раскрашенной мелкими цветами с большим количеством белого клевера. Позднее похожие узоры увидел на узбекских коврах. Вот по нему красиво обустроилась и украсила Урман наша Петровка, повторяя изгибы реченьки, как бы обнимаясь с ней.

Вдоль берега уже по улице проходила извилистая деревенская дорога-тропинка, заросшая по краям травушкой с зелеными горошинками и запахом лучших лесных «шанелей», особенно, когда пальчиками разотрешь головки этих травинок.

Эта дорожка никогда не видала следов какой бы то не было техники. Летом отпечатывались следы телег, лаптей и наших босых ног, зимой – саней, валенок и чуней, которые плели и катали сами наши мастеровитые деревенские соседи. Все они, в том числе и мои родители, этим мастерством владели в полной мере. Благодаря рукодельничеству моей матери, я всегда был в новых лаптях летом, и в чунях – зимой (чуни – это те же лапти, только из витой льняной кудели).

Вдоль дорожки, которая, как уже говорил, повторяла изгибы речки, стояли деревянные избы, в основном, под драньём. Некоторые избы, где были сильные семьи, были под тёсом. В других же наших деревнях крыши домов были, в основном, из соломы, а некоторые и под дерном. Срубы домов рубили в лапу, бревна укладывали на мох, который и мы, дети, помогали собирать в лесу и, предварительно просушив его на открытом воздухе, раскладывали его по бревнам, когда ложился новый ряд.

Извилистая деревенская, Урманская дорога, не выдавшая в свое время какой-либо колёсной техники...

После гибели отца и смерти старшей сестры в девять лет, мы остались втроем с братиком Виктором семи лет, и нашей любимой матерью, которая порой вынужденно оставляла нас на печке с Витей, закладывая доской, чтобы мы не упали, а сама уходила на работу в колхоз.

Детская память сохранила воспоминания о нашей Петровской хате, о рябом борове, который таскал в пасти по двору большие ветки, которого мы боялись, а я – особенно.

У хаты было невысокое крылечко, без сеней, вход сразу в избу. Справа у входа стояла печь, прямо в углу был обеденный стол с лавками, все самодельное из податливой осины, в противоположном углу – самодельная кровать тоже из осины с домотканым матрасом, набитым соломой.

Деревенская хата, украшенная домоткаными половиками

Мы всегда очень старались, своим детским участием в нашей многотрудной жизни, чем-то порадовать мать, любым способом сделать ей приятное. Очень часто у нас звучало: «Мама, прими работу!», и ее одобрение было высшей наградой для детского сердца. Я это старался делать до последнего дня, когда, перед уходом в военное училище, последний раз вымыл пол «до желта» в нашей Куеринской хате.

В целом жизнь после смерти отца была такой бедной, что, как у птиц в заморозье, было лишь одно желание: что-нибудь поесть. Это желание сохранялось во время всей интернатной и квартирной жизни при учебе в семи Урманских школах, чтобы закончить 10 классов. После войны все наши деревеньки стали распадаться без мужских рук, не хватало учеников для организации учебного процесса и содержания учителей, и школ.

Хорошо, что в самое тяжёлое и гибельное для нас время, сразу после гибели отца, когда мать ещё была в очень тяжелом состоянии, нас с мамой и Виктором забрал с Петровки и приютил у себя на хуторе Алексинский её отец, наш дедушка Осип – Первопроходец, который остался один после трагической потери любимой жены Ефросиньи Шпалецкой, и согревал своим теплом и добротой всю большую семью, привезенную из Белоруссии.

Потеря отца в деревне, тем более, когда все не устроено после переселения в абсолютную тайгу, с элементами быта времен практического средневековья, для семьи была катастрофой. Ведь во всем было полное самообеспечение и все, то, что порой казалось совсем вообще неподъемным, ложилось на руки матери и наши детские ручонки, ее помощников. Такова была судьба всех вдовьих семей наших Урманских деревенок.

Было нашей матери предложение отдать хотя бы одного сына в детдом. Детей часто забирали в детские дома, у нас он был в Новоягодном. Но мать собрала нас и сказала: «В детдом я Вас не отдам. Будем жить вместе и выживем», и нас в интернат не отдала, за что мы ей очень благодарны.

Магазина у нас в Петровке не было, иногда привозил лавочник спички, порох, дробь, иногда мыло, в обмен на добытую дичь: тетеревов и зайцев. При этом спасала пенсия за отца – 12 рублей, хоть что-то можно было жизненно важное купить.

Питались очень скромно, поскольку мало того, что из колхоза ничего не получали, так еще были под жестокими налогами. Их было тринадцать видов, от шерсти до масла и шкуры, даже свиной, если по переписи скота значилась свинья, яиц и многого всего другого. Как правило, все всегда были в недоимках.

Помню, как близкие старались спрятать скот в лес, так налогов меньше, а потом еще и поросенка осмолить соломой. Можно было и шкуру с него, как неучтенного, не сдавать, ибо какое же это сало, если с него сняли шкуру? А её надо было сдать заготовителю, если поросенок оказался «прописанным», то с него надо было обязательно сдать шкуру.

Жили самобытным хозяйством и Урманом, в целом, совершенно гибельно, в том числе и по сравнению с городом. По высшей политике все шло рабочему классу, в город, и все очень стремились убежать туда, а как убежишь, если у нас в деревнях паспортов не было вообще. Я, только будучи генерал-полковником, получил паспорт, до этого жил по удостоверениям. Мать паспорт получила глубокой пенсионеркой в 65 лет.

Быт у нас в Петровке и Алексинке был простейший. Из цивилизации иногда было мыло, всегда черное, и при этом это было большой роскошью, все обмылочки всегда берегли. Кусок мыла резали ниткой на маленькие кусочки, чтобы, к примеру, взять в баню или что-то отдельно постирать. Чаше обмывали голову и стирали «щелоком».

Спички продавались приезжим заготовителем в бумажных промасленных пакетах, терка к ним была маленькая и быстро стиралась. Приходилось нам с братиком тереть по утрам «чапельником» по выбранному сухому месту на полу, чтобы потом попытаться трением об это место зажечь спичку. Когда это не удавалось, то босиком бежали в ближайшую соседнюю хату, где из трубы шел дым, за углем.

От принесенного угля растапливалась небольшая железная печка, которая потом уже не гасла целый день и обогревала хату. Она давала первое тепло, на ней же плавил снег для дома и скота, а большая печь, согревающая хату на сутки, в которой готовили еду, затапливалась потом. Дрова в нее мать закладывала с вечера, чтобы они за ночь подсохли, и бересточку для растопки под них уже подкладывала. Только поднеси уголек или спичку и печь разгорается. Сразу в доме становилось веселее, уютней, а главное – теплее.

Запомнились всякие и как бы незначительные события. Был и такой случай, что как-то летом, не помню, как оказался на соседнем огороде.

Очень похожая картина уборки картофеля с матерью в школьные годы

Бегу между грядок, и большая калевка (брюква) прямо рядом на них растёт. После некоторых колебаний, так как понимал, что это воровство, я вырвал ее и бегом домой к матери. Она на меня посмотрела долгим взглядом, но сварила суп, слегка забелила молоком. Съели его потом, и это был для меня самый вкуснейший суп. В общем, мы эту брюкву не вернули соседям, а съели, и я, пятилетний, так получается, внес какой-то, своеобразный вклад в наш быт.

Вообще Урман, в том числе и деревня Петровка, до приезда сюда наших родителей из Витебской и Полоцкой губерний, был полностью безлюдным. Пришли люди, практически на себе и с помощью домашнего скота раскорчевали тайгу, горельники и поляны под хаты, под огороды, участки соединились и получилась улица.

Раскорчевали и вспахали на быках и конях, иногда и с помощью коров залог, посеяли маленькие, порядка гектара, а где-то и меньше, полоски вокруг деревни, и засеяли, как правило, рожью, так как она более морозоустойчивая, чем пшеница, и созревала быстрее.

Токующие глухари на хуторе Давыдовщина в 2 км от Петровки...

Потом вокруг развелось очень много косачей и глухарей, они все те же куры, только лесные. Их не только стреляли, но и ловили в бучики, капканами и петельками.

Когда был жив отец, мать об этом рассказывала, он часто приносил из бучиков, которые он изготавливал и устанавливал на брошенных полях хутора Голещина, после переезда оттуда своих родителей – первопроходцев, даже живых птиц и они бегали по хате. А весной – выйдешь на крылечко, солнышко сверкает, подтаявшие льдинки на снегу как алмазы, и со всех сторон слышно бормотание-токование косачей. На тока собирались они по несколько сотен.

Их токованием с улыбками на лицах мы заслушивались, и встречали утреннее радостное солнце на крылечке хаты. Радовались за то, что пережили зиму – значит будем жить с надеждой на лучшее, полагаясь на летнюю жизнь.

Но в нашу многотрудную, хотя и, в общем, складывающуюся, спокойную жизнь ворвалась проклятая война.

Брат вспоминал, как мать, стоя на крылечке школы в Петровке, где он учился до четвертого класса, откуда был хороший вид на речку, деревню и дорогу в район (в Знаменку), держала его за руку, а я, трехмесячный, был на ее руках, и очень плакала, провожая глазами телегу, скрывающуюся за поворотом реки Сик. И я, не понимая, почему они так плачут, наверное, под влиянием общего плача, заплакал тоже вместе с ними. Телега та увозила отца и еще двоих деревенских на призывной пункт в Знаменское, на фронт, как оказалось для него, невозвратный. При этом, по сути, в одно время ушли на фронт героические его два родных брата, а вернулся один Прокоп.

Получается два сына моих дедушки и бабушки, два красавца-русича из одной семьи погибли за Родину.

Те двое, которые уехали с отцом, хоть и пораненные, но вернулись с фронта. Один был без ноги, ходил потом с обыкновенной деревяшкой, но дом был счастливым с хозяином и с отцом своих детей.

Два родных брата отца Виктор и Прокоп, награжденные боевыми фронтовыми наградами. Фото погибшего моего отца Владимира, к сожалению, не сохранилось

Крепко в памяти осталась для меня «грозная» река Сик, шириной метров всего лишь пять-семь, но очень быстрая и слегка коричнево-темноватая, поскольку вытекала из Васюганских болот. Как-то вел меня брат от деда из Алексинского хутора в Петровку домой, километра четыре-пять по тайге летом, босиком. Мне было лет пять, и я очень устал, скорее от недоедания, да и расстояние немаленькое для детского возраста.

Подшли к Сику, через него был переброшен деревянный мостик. Как-то тревожно стало, глядя на его волнистую от течения воду.

Рядом оказалась теплая от солнца досочка, я до сих пор ее помню, такая разохшаяся, вогнутая вовнутрь, я на неё присел, прилег и так мне стало хорошо, говорю: «Витя, дай полежу немного». До сих пор ощущаю ее тепло. Он тоже этот эпизод вспоминал.

Детских игр, в современном понимании, никаких не было, все протекало вместе с течением Урманской жизни, все игрушки были какие-то корешки, шишки, дудочки, а самым ценным был свисток из ивы, сделанный дедушкой Осипом.

Еще помнится наше детское развлечение: кататься в корыте, подвешенном на больших воротах на въезде в деревню от петровского хутора «Соболя». Особенно было страшно, когда деревенское стадо возвращалось с пастбища и под нами проходил большой темно-бурый бык, все мы очень сильно его боялись.

Деревянные мостики через наши Васюганские речки...

За нашей хатой, последней в деревне, если смотреть на реку Сик, с правой стороны, отдельно на хуторе, в полутора километрах от деревни жил единоличник – «Соболь», как все его звали. Жил сам собой, не захотел идти в колхоз. К нему мать, бывало, ходила читать очень старое Евангелие. Периодически сельсоветчики, Ларионовские или Любанские, прискакивали к нему, с кожаными сумками в ремнях и всякими грозными бумажками, несколько раз ломами ломали ему печь, но он все равно в колхоз не пошел и доживал там один.

Пока жили единолично до колхозов, как-то начали заживаться, появился хлеб, мой дедушка Осип даже амбар под хлеб построил. Но грянули колхозы – и стала трагедия для селян. Все кончилось. По поводу колхозов брат Виктор говорил: «Я бы этого... выкинул из Мавзолея и еще попинал...». С ним я, уже будучи генералом, спорил, когда он уже переехал в Сосновский совхоз под Омском, что он не прав со своими доводами, так как надо было поднимать промышленность, строить заводы и фабрики. В стране не было ещё товаров, за которые крестьяне отдадут свой хлеб, а как кормить рабочий класс?

Васюганские болота – одни из самых больших болот в мире, экологическое сокровище Сибири, расположены в междуречье Оби и Иртыша

Но его слова заставили еще раз посмотреть на многотрудную судьбу своего народа, особенно крестьян, судьбу миллионов, прошедших коллективизацию, когда из своего хлева с веревочкой на рогах надо было отвести животину, как правило, в худший, не обустроенный колхозный коровник, а вместе с ней отвезти и молоко, предназначенное для своих детей и семьи.

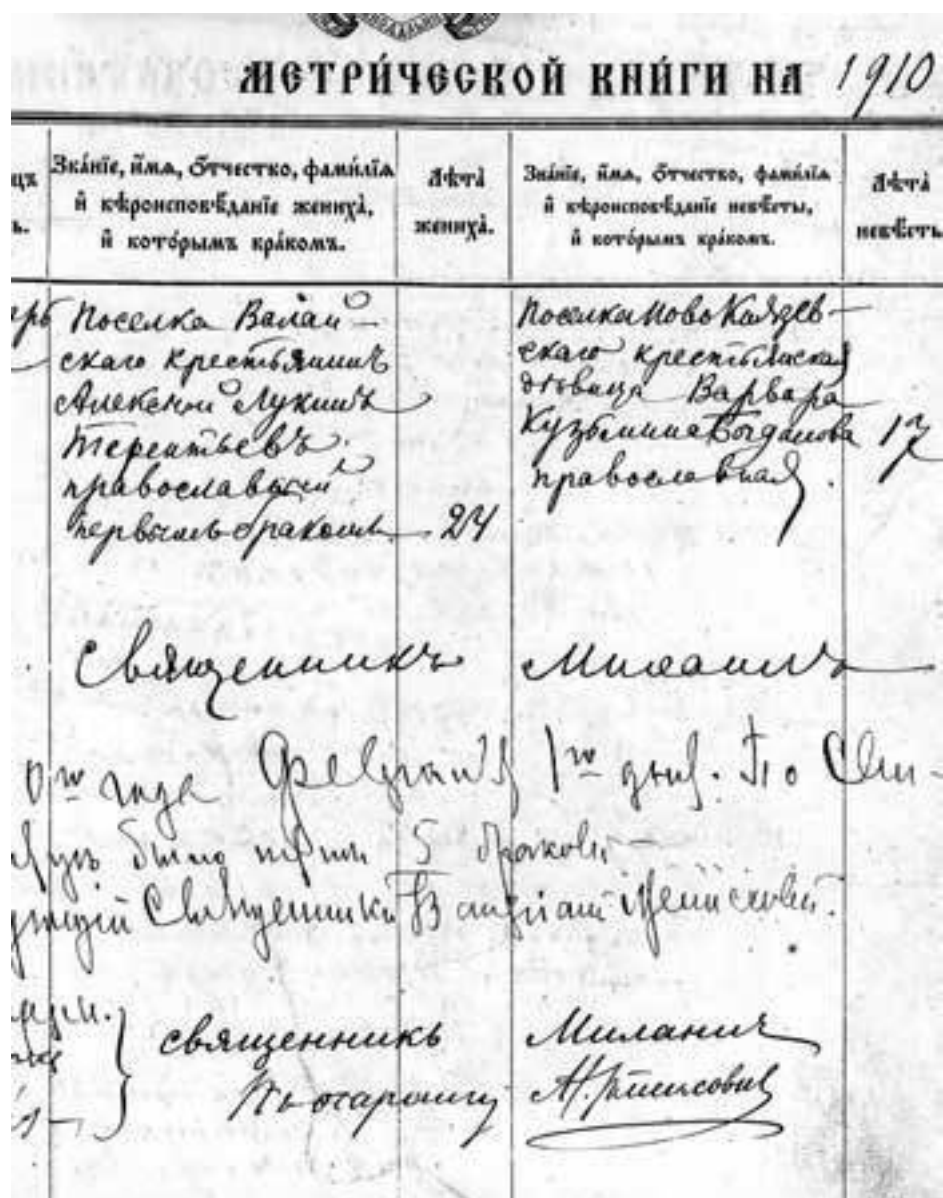
К началу войны наша Петровка в целом все же построилась, и зажила, на столе появился хлеб без мякины и травы. Потом «отвоевала» и победила, но не смогла впоследствии выстоять с тремя вернувшимися с войны мужиками-калеками на всю деревню, вдовами и нами – безотцовскими детьми, а также большой отдаленностью от района – 70 км по полному бездорожью, ведь она была самая крайняя деревня на самом севере Омской области. Дальше к северу начинались полностью непроходимые и необозримые Васюганские болота.

Кулаков туда отвозили через деревню Князевское и через нашу деревню. Хочу заметить, Васисский район и Князевский сельсовет были специально образованы под прием ссыльных. Когда это стало неактуальным, Васисский район был разделен между Тарским и Знаменским районами, и отец призывался уже Знаменским военкоматом, хотя я был зарегистрирован еще в Васисском районе.

От послевоенной безысходности деревня Петровка распалась. Но в ней, в Петровке, осталась наша память, частица нашей души и могила девятилетней старшей сестры Зиновки, которая умерла от так называемого «кровавого поноса» и похоронена на Петровском кладбище, недалеко от нашей хаты в направлении хутора «Соболя».

Родители отца – первопроходцы Терентьев Алексей Лукьянович и Варвара Кузьминишна, жили на хуторе Голещина в 2-х км от Петровки, имели три сына и дочь

Выписка из метрической книги о свадьбе Алексея Терентьева и Варвары Богдановой. ИАОО ф. 16, оп. 6, д. 934, л. 30

Когда ее хоронили, мать на похоронах не плакала, а при всем ужасе положения, пела песни. У нее помутилось сознание от невозможности воспринять пришедшее, ибо в этот же день пришло известие о гибели отца. И в течение нескольких лет такие эмоциональные отклонения сопровождали мать по жизни. В их глубоко любящих семейных отношениях, наверное, никакая психика не могла бы перенести этого без потрясений. По рассказам матери, когда отец уходил на фронт, он покачал им же сделанную люльку, подвешенную на жерди под потолком, и сказал: «Антон, Антон, кто тебя годовать будет». Как будто знал, что не вернется...

Мать ещё рассказывала такой эпизод. Я маленький, девятимесячный, лежу в люльке и плачу. Девятилетняя сестричка Зиновья качала меня, но потом пожаловалась матери: «Качаю его, а он все плачет и плачет». Мать ей сказала в шутку, возьми качалку для белья и стукни его, чтоб не кричал. Она взяла качалку в руки, подошла к люльке и говорит: «Нет, мама, я лучше буду качать». Зиновья была красивая и очень умная девочка. Но Господь так рано забрал ее к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.